

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Филипповская Татьяна Владимировна

канд. пед. наук, доцент

Румянцева Ольга Владимировна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
экономический университет»

г. Екатеринбург, Свердловская область

СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ, ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ СОЦИУМ

Аннотация: в статье авторы рассматривают инновационный подход к технологии взаимодействия семьи с социумом. Представлено утверждение о том, что не всегда семья является жертвой внешних условий. Показано, что этот социальный институт сам выступает в роли дестабилизатора традиционных ценностей и интеракций.

Ключевые слова: семья, власть, иждивенство семьи, деструктивные родительские практики, рептильное сознание.

Современные исследования интеракций семьи с социумом, как правило, опираются на роль важнейшего социального института в качестве жертвы: «Страдает общество – страдает семья». Однако, практически вне поля зрения ученых остаются те деструктивные практики, которые сегодня можно выделить в технологиях взаимодействия с социумом семей, ведущих социально одобряемый образ жизни.

Наша позиция созвучна с подходом А.А. Тараданова, констатирующего, что «семейная» тема представлена тем, «что в семье плохо и почему плохо. И практически не исследовалось и не исследуется, что в семье хорошо и почему хорошо» [5]. Однако, эта констатация является лишь одной гранью представляемой

нами темы. В связи с ней оказалось, что достаточно серьезной проблемой анализа наличия в практиках повседневности семейных стратегий, оказывающих дестабилизирующее влияние на социум, является отсутствие того, что можно было бы назвать оптимумом. «Нельзя понять проблемы, не зная идеала, нормы и гармонию» [3]. Представленную теоретическую задачу нам еще предстоит решить. Пока же мы говорим о семьях, ведущих социально одобряемый образ жизни, как о семьях, чьи практики не вступают в прямое противоречие с регламентами и процедурами, определенными российским законодательством.

Для конкретизации границ социального поля исследований нами был избран институт образования, как структура, избежать контакта с которой весьма проблематично, но где семейные практики проявляются более системно и контрастно, чем, например, во взаимодействии с системой здравоохранения или ЖКХ.

В результате исследований были выделены ряд технологий. Представим их краткое описание.

Технология имитации родительства реализуется по следующему алгоритму:

1. Семья ограничивает выполнение своих функций, связанных с воспитанием ребенка, решением витальных задач.
2. Семья использует социокультурные интеракции, основанные на деструктивных отношениях между родителями, пьянстве одного или обоих родителей, воспитании по типу гипер- или гипоопеки, симбиотическом отношении со стороны матери на фоне дистантности и сабмиссивности отца, ригидных, перфекционистских, виктимных установках родителей.

Технология институционализации замены роли учителя – проводника в образовательном процессе на роль обслуживающего индивидуальные родительские нужды персонала опирается на следующий алгоритм:

- 1) семья использует поведенческие стратегии, основанные на агрессии, демонстрации силы, основанной на осознании семейного статуса;

2) семья опирается в социокультурных интеракциях на обман и подтасовку фактов;

3) семья принуждает педагогов и администрацию образовательных учреждений доминантно решать те проблемы, которые она считает ведущими, взамен основной образовательной деятельности.

Технология принуждения учителя к подмене социальной роли педагога на социальную роль матери характеризуется следующим алгоритмом:

1) семья актуализирует симбиотические отношения, основанные на эгоизме и оценках выгод в соотношении пользы и затрат, перспектив наказания за предпринимаемые действия и их минимизации. Лидируют рэкетные, суррогатные чувства, тенденции «паразитировать за счет других, использовать манипуляции» [2];

2) инициированный в семье процесс индивидуации и обретения идентичности не позволяет ребенку оптимально интегрироваться с другими, одновременно оставаясь самостоятельным. Однако, источник возникающих в связи с этим проблем выискивается вне пределов семьи и, как правило, в личностных характеристиках учителя или в отношенческих практиках общностей, функционирующих в образовательном учреждении;

3) навязывание окружающим атрибутов роли матери, принятой в семье, чаще всего на фоне дистантности и/или сабмиссивности (желания подчиняться, желания получить комфорт в подчинении, передаче инициативы, ответственности, активности) отца.

Технология подмены ответственности родителей за качество своей вторичной социализации в роли родителя и первичной социализации ребенка ответственностью учителя и общеобразовательного учреждения, как институциональной структуры, основывается на следующем алгоритме:

1) семья не осознает сущности вторичной социализации ее членов и не видит необходимости что-то менять в процессах взаимодействия с образовательными учреждениями;

2) семья считает единственно верными социокультурные практики, реализуемые внутри нее. Все, что не соответствует этому, воспринимается как враждебное, опасное, поэтому выступающее объектом, с которым нужно активно бороться;

3) семья воспринимает образовательное учреждение и связанные с ним общности как структуры, обязанные «идти ей навстречу» в любых интеракциях «лицом – к – лицу», в то время, как члены семьи занимают позицию «капризного» потребителя, гедонистические потребности которого должны быть реализованы немедленно и в полной мере;

4) семья реализует в интеракциях с институтом образования негативные стратегии, заложенные в опыте предшествующих поколений, вне зависимости от уровня образования ее членов, их статуса и материальной обеспеченности.

Мы привели далеко не все данные, полученные нами эмпирическим путем. Но не можем не отметить то, что в составной части каждой из представленных технологий имеется опора на рептильное сознание. Идеи о его содержании мы почерпнули в авторской интерпретации А. Чаундхури теории о триединой модели мозга [6]. Особый интерес представляют перечисленные ученым формы рептильного поведения, как результат мотивации, стимулированной тем, что мы и предлагаем назвать рептильным сознанием. Это:

1. *Рутинное поведение.* Оно характеризуется однообразным течением и упорядочением действий по времени. Речь идет о своего рода «схемах» во взаимодействии, которые закреплены на уровне рутин.

2. *Изопрактическое поведение.* Речь идет о спонтанных коммуникациях, связанных с участием в каких-то мероприятиях, инициированных следованием определенным стилям.

3. *Тропистическое поведение.* Эта форма рептильного поведения связана с заданными программами действий или врожденными/приобретенными предпочтениями. Здесь мы можем говорить о заложенных в индивидуальном опыте членов семьи негативных ожиданиях от интеракций с социумом.

4. *Повторение.* Эта форма рептильного поведения связана с многократно повторяющимися специфическими демонстрациями. Например, повторение со стороны семьи действий, связанных с восприятием общеобразовательного учреждения как своеобразной «камеры хранения» детей на время отсутствия дома работающих родителей.

5. *Проигрывание.* Речь идет о проигрывании в поведении людей определенной последовательности действий в течение одного дня или с равномерными интервалами, продолжительность которых варьируется до нескольких лет.

6. *Обманное поведение.* А. Чаундхури указывает, что эта форма рептильного поведения наиболее важна для выживания. У рептилий она обеспечивает процессы, помогающие добывать предметы первой необходимости – жилье, пища, – а также спаривания, когда при последнем нередко посылаются обманные сигналы.

Применительно к теме нашего исследования обманную форму рептильного поведения мы можем считать доминирующей, так как именно она предопределяет активное использование обмана для достижения индивидуальных целей в интеракциях с социумом.

Учитывая представленную выше классификацию форм поведения, предопределенного рептильным сознанием, мы констатируем, что в описании выявленных нами технологий деструктивного влияния семьи на социальное пространство, прежде всего, общеобразовательного учреждения, именно рептильное поведение доминантно.

В связи с этим Т.В. Филипповская предлагает объединить выявленные в результате нашего исследования технологии под общим названием *власть – иждивенство*.

Иждивенчество, согласно толковым словарям, – стремление разрешать трудности за счет других. «Иждивитель – расходователь, издержатель. Иждивительный – требующий иждивения, издержек, начетистый, дорогой» [1]. «Иждивение – полное содержание или помощь, являющаяся постоянным основным ис-

точником средств к существованию» [4]. Поэтому понятие иждивенство нам кажется более точным, чем иждивенчество. Отсюда власть – иждивенство – феномен подмены эффективного управления социальными процессами формальным сбором справок и отчетов, отказ видеть реальное положение дел и имитация управленческой деятельности через наращивание объемов схоластических (оторванных от жизни) установок, действий, догматическое принуждение подчиненных власти к исполнению действий, не подтвержденных финансированием, соответствующим реальным трудозатратам. Власть-иждивенство в образовании – стремление менеджеров разрешать свои проблемы за счет минимизации социальных гарантий служащим, нанятым для исполнения государственных задач, связанных с образовательной деятельностью [7; 8]. Но здесь власть – иждивенство – прерогатива формальных структур. Сложнее, когда в роли власть – иждивенцев начинают выступать родители, чаще всего, присвоив себе это право и деструктивно влияя не только на общеобразовательное учреждение, но и на социум в целом.

В заключение отметим, что по результатам исследований, проводимых в течение последних пяти лет [9; 10], нами не выявлена абсолютная прямая зависимость между такими качественными характеристиками семьи, как полная, неполная, малообеспеченная или нет, с высоким родительским образовательным потенциалом или низким, и технологиями стратегий взаимодействия с социумом. Предопределяющими оказываются социокультурные диспозиции интеракций. Они, как видим, в свою очередь неразрывно связаны с репильным сознанием. Поэтому перспективны исследования не только сущности «идеала, нормы и гармонии» семейных интеракций в социуме, но и предопределяющих их деструктивность типов социального поведения.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т.2. – М.: Терра. – Книжный клуб, 1998. – 1024 с.

2. Гамзина Е.Н. Решение проблем симбиоза в практике педагога-психолога // Коммуникативные технологии в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции (4 декабря 2006 года). – СПб, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transactional-analysis.ru/methods/302-symbios>
3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн.7. / Жа-Ит. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004. – 256 с.
5. Тараданов А.А. Семейное благополучие в современной России: Генезис и практика: дис. ... д-ра. соц. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2004. – 302 с.
6. Чаундхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. – М.: ООО «Группа ИДТ», 2007. – 256 с.
7. Филипповская Т.В. Власть-иждивенство – актуальный феномен в институте образования // Управленец. – 2012. – №11–12. – С. 8–14, С. 39–40.
8. Филипповская Т.В. Инновационные аспекты инициирования социальной напряженности в институте образования / Т.В. Филипповская, О.В. Румянцева // Вопросы управления (Научный Вестник Уральской академии государственной службы). – 2012. – №1 (18) – С. 216–223.
9. Филипповская Т.В., Румянцева О.В. Семья в социальном пространстве общеобразовательной школы: аспекты дестабилизирующего влияния / Т.В. Филипповская, О.В. Румянцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – №2 (23). – С. 72–79.
10. Filippovskaya T.V. Family and technologies of its destabilizing impact on the education Institute / T.V. Filippovskaya, O.V. Rummyantseva, E.P. Shihova // Modern socio-political processes in Russia, Europe states and in the World. Volume 2 / ed. By D. Pukas. – Stuttgart: ORT Publishing, 2013. – 236 p.